

ПАВЕЛ РУДЯКОВ

БОРИС ОЛЕЙНИК: НАСЛЕДНИК ПОБЕДЫ

...Я же бегу и бегу с войны и просыпаюсь в мире.

Б. Олейник

Борис Олейник принадлежал к поколению, познавшему Великую войну в раннем детстве. Для него и его ровесников, говоря его же словами, “...чаще, чем святое слово “мама”, // Над колыбелью слышалось: “война”...” (“В зеркале слова”). Может быть, поэтому, а может, не и только, а и по каким-то ещё, менее личным причинам тема войны в его творчестве занимает важное место. Подход поэта к ней отличается многомерностью, многоплановостью. И в то же самое время – удивительным постоянством взгляда, в основе которого, видимо, лежит незабываемость интерпретации войны, оценки её самой, итогов, прямых и косвенных последствий.

Будущий поэт встретил Победу десятилетним мальчишкой. Понять и познать всю её значимость, всё её величие ему тогда, по понятным причинам, было не по силам (да и сами эти значимость и величие тоже ведь не проявились сразу, не так ли?). Но общую атмосферу оплаченного огромной кровью, выстраданного страной “праздника со слезами на глазах” маленький Борис ощутил в полной мере. Слезы без всяких кавычек стояли у него в глазах. Великая война забрала у него и у семьи отца: ушедшему добровольцем на фронт в первые месяцы войны Илье Олейнику суждено было остаться там навсегда. В 1945-м десятилетний Борис ещё ждал отца, похоронка на него пришла только в 1948-м.

Представление о войне у поэта не эпическое, исторически конкретное, достоверное, а лирическое, эмоционально окрашенное, осмысленное философски и символически. В его произведениях не встретишь ни описаний боёв и подвигов наших солдат, ни чего-то такого, что можно было бы определить, как “сводки с фронта”. Зато есть другое: стремление понять войну, увидеть её место в общем движении времени, осмыслить как момент кардинального перелома, разделившего жизнь страны и людей на “до” и “после”. С одной стороны, такой подход обусловлен спецификой поэзии как литературного рода. С другой – собственным, глубоко личным восприятием войны как части собственной биографии. Ну, и, конечно, осознанием непреходящего значения войны и Победы для страны и людей, искренней заботой о сохранении памяти о ней.

Вынесенные в эпиграф слова самого поэта, как представляется, с предельной точностью отражают его отношение к войне: всю свою взрослую,

сознательную жизнь он пытался “бежать” от неё, но так никогда и не убежал. Она настигала его, где бы он ни был, что бы ни делал, о чём бы ни думал. Память о войне – фундаментальная доминанта и человеческого, и поэтического сознания Б. Олейника, один из краеугольных камней личности.

В ранний период его творчества тема войны и Победы появляется не очень часто, хотя с завидной регулярностью. В отличие от некоторых коллег по поэтическому цеху Союза писателей Украины, молодой автор не отработывает тему для “галочки”, погружаясь в неё только тогда, когда для этого наступает подходящий момент, когда наступает его собственное творческое время. Победа для него – это святыня. Она держит в тонусе, вдохновляет, увлекает за собой, эпизодически выходя на первый план. Лирический герой Б. Олейника с головой погружён в бурное кипение и бурление молодой жизни в её современном преломлении. Тема Победы среди других его проблемно-тематических приоритетов – на почётном месте.

Первый серьёзный шаг в поэтическом освоении недавнего трагического и в то же время победного прошлого был сделан им в канун двадцатилетия Победы, в 1963–1964 годах, и в год её двадцатилетия – 1965-й. Затем были новые всплески – в 1975-м, 1985-м. И позже, конечно, тоже.

В стихотворении “Одногодки” в фокусе оказывается проблема выбора. Б. Олейника вряд ли можно зачислить в экзистенциалисты, но она, эта проблема, волновала и вдохновляла его с первых шагов в литературе и на всём долгом творческом пути. Отнюдь не случайно, что один из его ранних поэтических сборников называется “Выбор” (1965). Ещё более показательным, что предисловие к первому тому шеститомника 2007 года названо поэтом “Право выбора”. Одному из персонажей выпало делать жизненный выбор под дулом вражеского пистолета – на войне. Цена такого выбора максимальна: жизнь или смерть. Выбор другого персонажа – совсем иной как по характеру, так и по тому, что он выбирает. “Между вами взорван мост”, – констатирует автор. Нарушилась связь времён, связь поколений.

Поэт уже тогда видел угрозу, пока что только потенциальную, но уже угрозу. Он осознал её возможные страшные последствия и говорил о ней. А с какого-то момента, с какого-то рубежа (может, с того, о котором так точно и проникновенно сказал он в поэме “Трубит Трубез?”) стал уже не говорить, а кричать. Сборник произведений, изданный в Киеве к 80-летию юбилею, назван им “Крик”. И это, как мне кажется, очень важно, значимо, знаково. Б. Олейник был удивительно, потрясающе прозорлив. Ему был дан уникальный дар предвидения. В его поэтическом и публицистическом наследии сохранилось немало следов и результатов разного рода прогнозов, оказавшихся, когда – к счастью, когда – к несчастью, удивительно точными.

В “Одногодках” имеет место прямое противопоставление двух начал. С одной стороны, верность идее, идеалам. Жизненная позиция, основанная на ценностях, готовность к самопожертвованию ради идеала, которую герой доказывает ценой собственной жизни. С другой – сознательный отказ от идеологии, от идеалов, жизненная позиция, основанная на сугубо меркантильном подходе: где больше дадут, туда и идти.

Проблема предательства незримо присутствует в стихотворении. Судьба искушает героя предать ради сохранения жизни. Он отвергает такую возможность без раздумий. По-другому не может, не способен поступить. Тот, кому выпало жить после него, совсем другой. И вдруг оказалось, что для нашей эпохи больше подходит именно он, а не тот, кого Б. Олейник ставит ему в пример. Перефразируя грибоедовское: “Молчалины блаженствуют на свете”, – он мог бы сказать: “Предатели блаженствуют на свете”. Даже Б. Олейник с его уникальным даром предвидения вряд ли предполагал такое развитие событий тогда, когда писал это произведение. В то время шансов у предателя одолеть героя не было ни малейших. Сегодня ситуация прямо противоположная: шансов теперь нет у того, кто отвергает предательство.

Анализ художественного, особенно поэтического текста – это дело ещё более деликатное и тонкое, чем Восток. Известно весьма значительное число способов, как его осуществлять, однако универсального метода так и не обнаружено. Одну из методик такого анализа разработал в 1970-е годы мой отец Николай Александрович Рудяков (1926–1993). Если применить её к “Одногодкам”, то к словесным единицам, наиболее активно и продуктивно используемым в создании идейно-образного содержания, следует отнести те,

что формируют парадигму противопоставления. Её полюсами выступают два персонажа, формально вроде похожие друг на друга, реально очень разные, прямо противоположные по духу. Они – одногодки, хотя и с поправкой на принадлежность к разным поколениям. В синхронии, когда одному из них двадцать шесть, второму – шесть. В ситуации выхода за рамки физического времени, когда один из героев мёртв, а второй – жив, их возраст сравнивается, им обоим по двадцать шесть, они действительно становятся одногодками.

Стихотворение построено на сравнении двух одногодков. Критерий сравнения – выбор, который делает каждый. Один выбирает идеалы, второй – кошёлёк.

Важную роль в формировании идейно-образного содержания играет слово “мост”. Поэт употребляет его в прямом и переносном значении: мост через Днепр – мост между поколениями. Первый герой, поставленный фашистом перед выбором: предательство или смерть в Днепре, под мостом, выбрал “под мост”, сохранив честь и достоинство. Второй – не чета ему, думает только о выгоде. Фигуральный мост между ними взорван (важно: не рухнул сам, а именно “взорван”, уничтожен чьим-то активным действием). Первый персонаж остаётся живым и после смерти, второй – мёртв при жизни.

“Живым – от погибших” (1963). Центральной в произведении является проблема памяти. О войне, о её героях, о жертвах, которые им довелось принести ради Победы. О самой их Победе, которой они поделились с другими, которую разделили со всеми. В контексте высказанных выше соображений об “Одногодках”, тут стоило бы, верно, уточнить: со всеми ли или только с теми, кто был её достоин. Самое главное, о чём хотели бы спросить живых те, кто полёг на войне, что хотели бы они сказать им, сводится, по сути, к вопросу: “Не забыли ли вы?” С него начинается стихотворение. Им же оно и завершается, только уже не в форме вопроса, не с вопросительной интонацией, а в иной модальности – в виде призыва от имени погибших к живым: “Вы же не забудьте только...”

В стихотворении “Пятый член трибунала” (1963) на первый план выходит проблема ответственности, личной ответственности каждого за общее дело, за тех, кто рядом, и даже за тех, кто далеко. Ответственности и высокой цены даже за сиюминутную слабость, обернувшуюся трагедией. Для героя этого произведения, трактуемого автором как герой положительный, испытание ответственностью обернулось огромной бедой. Судьба карает его не смертью, а, наоборот, жизнью, преисполненной терзаниями за то, что не ко времени и не к месту поддался естественному человеческому чувству, вопреки нечеловеческим обстоятельствам войны.

Если взять шире, то эту проблему можно было бы – вполне в духе самого Б. Олейника – представить ещё и как долг всех живых и каждого из них в отдельности перед всеми, кто отдал жизнь, здоровье, молодость для Победы. Проблема ответственности и долга стоит в центре одного из произведений 2000-х – “Полковнику никто не пишет...”. Хронологическая удалённость одного текста от другого свидетельствует о приверженности Б. Олейника некоторым темам и проблемам, к которым он постоянно обращался в течение всего творческого пути.

Первая строка стихотворения, как уже заметил читатель, повторяет название повести Г. Г. Маркеса “Полковнику никто не пишет” (есть и фильм под таким же названием – экранизация повести). Название для своего текста Б. Олейник вроде заимствует, а вот содержательное его наполнение предлагает собственное, оригинальное. Его полковник, в отличие от полковника “колумбийского”, не может найти покоя после смерти. В июне сорок первого, когда его полк пробивался из окружения, он спрятал знамя, чтобы оно не попало в руки врага. Ответственность, от которой героя, в его собственном представлении, не освобождает даже смерть, заставляет его искать тайник со знаменем, чтобы передать реликвию кому-то другому, кто донесёт знамя полка к своим. “...хотя все из его полка // Уже лежат в земле давно”, – с глубокой грустью констатирует автор.

“На берегу вечности” (1975). До боли, до крика пронзительный текст. Перечитывать его и во второй, и в третий, и в десятый раз невозможно без того, чтобы комок не подступил к горлу, а на глаза не навернулись слёзы. Гимн памяти, сопряжённой со страшным, невозполнимым горем утраты близких – мужей, братьев, сыновей. Или, как у лирического героя, – отцов.

Действие перенесено автором из реального пространства в виртуальное – пространство памяти. Именно в нём происходит долгожданная для тех и для других встреча погибших и живых, к кому не вернулись с войны их родные и близкие. Мёртвые проходят перед живыми парадом: “в колоннах, поротно...” Навстречу этому параду со всех сторон выбегают “матери, невесты, жёны”, высматривая в потоке... нет, не людей, конечно, в потоке теней свою, единственную.

Всматривается в колонны идущих и лирический герой. Всматривается в надежде увидеть там пропавшего “в судный час” отца. Удача улыбается ему. Он слышит голос, доносящийся “издали, как с берега вечности”: “Сынок...” Затем видит отца, идущего к нему в обмотках, со скаткой на плече. Отец приближается к сыну, смотрит на него “нежно, печально и горько”, говорит: “Прости меня...” Это – один из знаковых моментов всего стихотворения. Отец мог бы не извиняться, ведь он выполнил свой долг, ценой собственной жизни выполнил. И спас сына от страшной беды, закрыл его от неё своим телом. Но он считает своим долгом извиниться за то, что сын рос без отцовской ласки и опеки. Что им движет? Думаю, двух мнений тут быть не может и не должно: чувство ответственности, готовность брать на себя вину за всё, что происходит вокруг. Автобиографический штрих. Сам Борис Олейник был именно таким: всегда ответственным, всегда винящим себя за то, что не сделал, не доделал, не переделал.

В этом стихотворении появляется новый для Б. Олейника мотив. В пространстве памяти, где происходит действие, царит “великое молчание”. Это словосочетание повторяется в тексте несколько раз, что даёт основания полагать, что автор придавал ему особое значение. Оно, думается, объединяет в себе две стихии. С одной стороны, обусловленное реальностью молчание погибших: смерть лишила их возможности говорить так, чтобы слышали живые. С другой – молчание живых, великое молчание как дань уважения подвигу ушедших из жизни героев, знак благодарной памяти.

В первой части произведения встреча с родными, погибшими на войне, для живых – это только горе, неизбывное, страшное горе. Во второй части это эмоциональное состояние переосмысливается автором, выходя за рамки простого противопоставления по линии “жизнь – смерть” и поднимаясь на более высокий уровень. На этом уровне в фокусе оказывается другая дилемма, сущность которой определяется категорией смысла. Смерть героев имела глубокий смысл, она была не напрасна. Словесное выражение этой идеи автор вкладывает в уста погибших. Они, как отец лирического героя, чувствуя свою вину перед теми, кого оставили в мире живых, обращают их внимание на важнейшее, с их точки зрения, обстоятельство. Оно состоит в том, что их смерть не была напрасной. “С наших плацдармов живые начинали атаку”, – с гордостью говорят они. И эта атака породила Победу.

В условном “эпilogе” автор выходит на близкую ему тему связи поколений, верности памяти. Лирический герой тут уже старше своего погибшего на войне отца. И сам уже – отец. Вспоминая отца, мысленно общаясь с ним, слушая и принимая его наказ, он обращается к сыну: “...нам выпало досеять и долюбить // Отцовское поле...”

Ещё один важный момент. Погибшие на войне “говорят” живым “Слово”. Позже, спустя двадцать с лишним лет в поэме “Трубит Трубей” поэт опять обратится к этому символу. И опять свяжет его с памятью. “Они живы для нас в вечности, // И память их не подвластна ржавчине. // Они стали Словом чистой воды, // Которое исцеляет наши раны и руины...”

В год тридцатилетия Победы поэт пишет ещё одно произведение, в котором теме войны отведена главная роль, – поэму “Урок”. В ней опять красной нитью проходит мысль о том, как сохранить Победу, память о Победе, память Победы для молодых поколений. Герой вспоминает историю о трагедии военного времени в югославском Крагуевце, где фашисты в 1941-м в отместку за действия партизан расстреляли учеников и учителей школы, всех подряд. Вспоминает и пересказывает её своему сыну-школьнику.

“Урок” – хрестоматийное произведение, долгое время входившее в школьную программу. Украинских чиновников от образования, отлучавших Б. Олейника от школы и вузов, как и тех, кто определял государственную политику в гуманитарной сфере, в рамки которой такие действия удачно вписывались, можно понять. Ни им самим, ни их детям и внукам такие уроки не

нужны по определению. В обществе, лишённом идеалов, “Урок” Б. Олейника звучит, как укор. Вот и прячут его, вот и прячутся от него.

Накануне сорокалетия Победы и своего юбилея, в 1984 году Б. Олейник пишет стихотворение “Перед людьми и землёй...” Оно посвящено памяти о войне и навеяно беспокойством поэта, вызванным наблюдениями над окружающей действительностью и тем, что в ней в то время происходило. Лирический герой обращается к читателю с призывом, звучащим и как предостережение, и как этический императив: “Не отступать!”

В качестве критерия, разделяющего Добро и Зло, здесь выступает Вечный огонь. Поэт порицает тех, кто “греет руки над Вечным огнём”, употребляя глагол “греет” не в прямом, а в переносном значении. В 1980-е это был художественный приём, теперь, увы, приём стал элементом реальности. Сегодня в Киеве на Вечном огне кто-то пытается жарить яичницу, и ничего... Страшно! Грустно и страшно! Дар предвидения, к нашему величайшему сожалению, Бориса Олейника не подвёл.

Проблема памяти и её сохранения оказывается в центре внимания в стихотворении “Уже меньше их, ещё живых, во плоти...”, вошедшем в сборник “Основы”, изданный в 2005 году, в год шестидесятилетия Победы и семидесятилетия Б. Олейника. Тут, поднимаясь до самых верхних регистров, звучит голос поэта, предупреждающий об угрозе, диктуемой утратой памяти. Память о войне и о великой Победе теперь уже в руках не детей героев, а их внуков. С её сохранением, по мнению автора, есть большие проблемы. Поэт представляет её в виде аллегии: внуки в погоне за наживой, “забыв самое святое”, сдают на металлолом бронзу с памятников героям войны. Они “убили память”, – говорит он. Именно так – не в дльщемся, а в уже совершенном действии: не “убивают”, а “убили”.

“В державе, где потомки убили память, – констатирует поэт, – // Страшнее войн // грядет Армагеддон”. Опять прогноз. И снова – в точку!

И вот 2020-й – год 75-летия Победы. Мы встречаем его, увы, уже без Бориса Олейника. Не сомневаюсь, что, если бы Борис Ильич дожил до этого дня, он непременно написал бы новое произведение, ему посвящённое. О чём бы оно было? Наверное, о том, что волновало, что не давало покоя Поэту до конца его дней: о памяти, об ответственности, о необходимости нести правду о Великой войне, давая отпор любым попыткам её искажения или извращения. Борис Олейник – наследник Победы. Не потомок, а именно наследник. Приняв эстафету от победителей, он с честью пронёс её через всю жизнь, через все испытания, выпавшие на его долю и долю его поколения.

Киев